

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

АДОМАЙТИС ПРОТИВ АДОМАЙТИСА

Регимантас Адомайтис был занят в съемках фильма «Трест, который лопнул» по рассказу О. Генри. Снимали на улицах города, естественно, привлекая любопытное внимание прохожих. Адомайтис замечали, узнавали, сравнивали — «какой в кино, какой в жизни». А актер работал — невозмутимо спокойный, на взгляд зевак; нордически сдержанный, на взгляд темпераментной киногруппы Одесской киностудии. Адомайтис был Адомайтисом!

А потом — лихорадочно обрывочная наша беседа между съемками, с перерывами на дождь и солнце. Под все теми же откровенно любопытными взглядами поклонников, но больше — поклонниц. Поклонников кино, поклонниц экранного героя, созданного моим собеседником.

Признаться честно, давно не приходилось сталкиваться с таким внутренне беспокойным интервьюируемым, не пытающимся даже как-то завуалировать недовольства человека творческого. Не по поводу съемок недовольства: съемки — это работа. И не по поводу нашей беседы: Адомайтис — человек интеллигентный. Это было внутреннее недовольство личности, такой богатой от природы и не имеющей полной возможности (а ведь столько названо критиками безговорочных его удач!) выплеснуть свое богатство на экран.

Между тем, начало нашего разговора было безупречно гладким...

критик, и не мое дело давать какие-то оценки, искать оправдания. Но попытаюсь...

Интересно именно потому, что до сих пор работал в уютнейшем, привычном и для меня, и для режиссеров плане. Хотелось сломать стереотип. Сделать что-то неожиданное. Не сыграть — ведь это еще неизвестно, сыграю или нет, это критики потом скажут — попровобовать.

— «Никто не хотел умереть», «Это сладкое слово — свобода», «Кентавры» — герой Адомайтиса, начиная с вашего первого появления на экране и кончая полным признанием, тесно связан с кинематографом Жалакявичюса». Недавно Витаутас Жалакявичюс снял новый фильм по повести Чехова «Рассказ неизвестного человека», впервые обходясь без

«своих» актеров, в том числе и без Регимантаса Адомайтиса. У вас не возникает ощущение, что вас, некоторым образом, обокрали?

— Обокрали? Хм... Обокрали... Нет, пожалуй... Это ведь почти уникальный случай, когда у кинорежиссера есть, что ли, свой «театр» — когда он работает, в основном, с одними и теми же актерами. В конце концов, ему ведь тоже хочется что-то сменить, от чего-то отойти — одним словом, убежать от привычного. Это так понятно. Тем более, Жалакявичюс — режиссер ищущий, способный на открытия в кинематографе. Нет, я воспринял это как естественное.

— Простите, но не надо ли вам случайно тот абсолютный герой, сильная личность, одним словом, супер-

мен, которого до сих пор приходилось воплощать на экране?

— Мне вообще кино надоело.

— Вспоминаете, что по первой своей профессии вы физик?

— Ни в коем случае. Я — актер. Но кино мне надоело. Впрочем, надоело, наверное, это не то слово. Не очень пригодное, наверное, выражение. Но если посмотреть правде в глаза... Пятнадцать лет без отпуска — все на съемочной площадке. И вообще — годы... Семья, дети...

— Только ли в этом дело?

— Не только, конечно. Редко попадают в кино роли, над которыми действительно работаешь с удовольствием. Чтобы было в них такое... то, что действительно надо сыграть, выложившись без

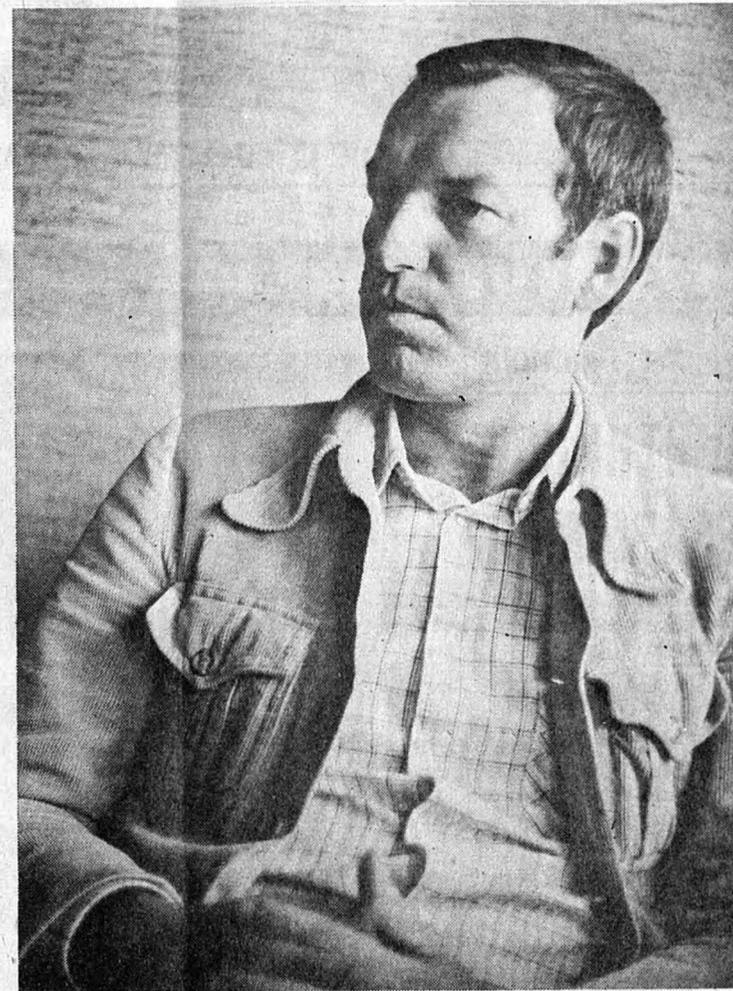
остатка. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Да, но вы сами говорите — пятнадцать лет без отпуска, целая жизнь в кино. Это не каждому актеру дано. Неужели все впустую?

— Нет, конечно, не впустую. Потому что была работа, я подчеркиваю — работа. Это так важно для актера. Важно, но еще не все. Актеру надо тратить себя — он это делает с радостью. Беда, когда не на что тратить. Я действительно много сыграл, и во многом мне везло. Но знакомо и другое: дадут тебе вроде бы многозначную роль, а в чем это множество значений? Что играть? Да ничего, кроме ложной многозначности. Вот это и надоело! Эти лживые сценарии с фальшивой драматургией, с выдуманными ситуациями. Все так неправдоподобно — даже читать не хочется. На что-то соглашался, больше — отвергал. Ведь в жизни все по-другому. Конечно, правда жизни — это одно, а правда искусства — другое. Но как ни верти, без подлинной правды бытия, человеческой правды в кино не обойтись.

— Где же вы находите удовлетворение?

— В театре. Именно в театре — настоящее творческое удовлетворение и удовольствие, если хотите. У кино, казалось бы, гораздо больше данные, а подлинную возможность разрабатывать психологию человеческих характеров и поступков актеру сегодня дает театр.

— Вы работаете в Вильнюсском драматическом театре. Что, на ваш взгляд, там сыграно самое интересное?

— Я больше занят в спек-

квячиюса «Миндаугас», «Мажвидас» и «Кафедральный собор» — в первых двух спектаклях играю главные роли. Это как раз то, что приносит удовольствие.

— Но неужели подобного не было в кино?

— Почему же, было. Была работа. С Жалакявичюсом, с Григорием Козинцевым в «Короле Лире», в фильме кинематографистов ГДР «Вольц». Я говорю именно о работе, потому что сама работа для меня — удовольствие. Были, конечно, и моменты творческого удовлетворения. Увы, моменты...

— Судя по всему, вас гораздо больше интересует процесс, нежели результат?

— А что вы подразумеваете под результатом?

— Фильм, который выходит на экран — фильм с вашим участием.

— Результат ведь не всегда в нашей, актерской, власти: монтаж, всякие там фокусы — многое от нас в кино не зависит. Что же касается процесса, то это моя профессия, тем более, любимая. И получать удовольствие следует именно от нее, если уж от чего-то в кино получать удовольствие. Так это есть, и никуда от этого не денешься.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.

Фото Николая
ШАРУБИНА.